Василий Ерешенко в Шантиникитане Тагоре

Category: Edebi makalalar,Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025
Василий Ерешенко в Шантиникитане Тагоре ВАСИЛИЙ ЕРОШЕНКО В ШАНТИНИКИТАНЕ ТАГОРЕ

- 135-летию Московского учебного заведения для слепых детей,
- 100-летию поездки Василия Ерошенко в Британскую Индию,
- 70-летию независимости Республики Индия,
- 65-летию со дня смерти Василия Ерошенко

Новейшие исследования заново открывают бирманские и индийские страницы жизни Василия Ерошенко – писателя-символиста, педагога слепых, путешественника, эсперантиста. Он ушел из жизни 24 декабря 1952 года.

Новые переводы с японского языка «Орлиных Душ» и исследование писем писателя у учетом достижений и проблем современной ему российской и британской тифлопедагогики позволили понять, зачем Ерошенко ездил в Таиланд, Бирму и Индию 100 лет назад – в 1916-1918 гг. В результате исследований последних лет оказалось, что в основу произведения Ерошенко «Орлиные Души» положены такие разные жанры, как фольклорные легенды, средневековые европейские бестиарии –рассказы о существующих и мифологических животных, и христианская проповедь.

На наш взгляд, самое важное и интересное из того, что пересказал Ерошенко на японском языке – христианская проповедь на книги Ветхого Завета (Исход, Второзаконие, Кн. Пророка Исайи). Мощная традиция проповедовать об орле, с которым сравнивает себя сам Бог, обращаясь к Моисею, сложилась у протестантов и евангельских христиан. Начавшаяся 500 лет назад Реформация привела к абсолютно новому пониманию важности всякого человека для Бога, ведь жертва Христа была принесена для всех. Необходимость и потребность читать Библию прямо вела к развитию образования. Историк специального образования, директор Института коррекционной педагогики Российской

академии образования Николай Малофеев отмечает, что именно в протестантских странах, таких как Британия, Германия, Австрия, страны Скандинавии, быстрее складывались и системы специальной педагогики – школ для глухих, незрячих и детей с проблемами психического развития. Первый Институт слепых возник в Париже, но затем лидерами стали Венский, Дрезденский, Берлинский институты слепых. Их опыт и перенимали ведущие тифлопедагоги России: Г.Г. Дикгоф, А.Адлер, К.К. Грот, А. Скребицкий и другие первопроходцы.

Вернемся к судьбе Василия Ерошенко. Исследования его жизни и творчества начали в СССР, уже после смерти писателя, китаисты В. Рогов и Р. Белоусов. Затем эстафету подхватили эсперантисты, для которых важна была пропаганда этого международного языка, созданного Л.Л. Заменгофом. Поэтому в первые десятилетия исследований Василия Ерошенко рассматривали главным образом как выдающегося незрячего эсперантиста и путешественника, но мало обращали внимание на роль британской системы образования слепых и английского языка в его судьбе. А ведь он преподавал не только эсперанто, но и английский язык всюду, где это только было возможно, особенно незрячим.

Весной 1912 года, в год 25-летия эсперанто, эсперантисты ряда европейских стран подготовили поездку Ерошенко на учебу в Норвудский нормальный (или обычный) королевский колледж и академию музыки для незрячих. Здесь Василия Ерошенко опекали преподаватель английского языка, зрячий Уильям Филлимор и незрячий фольклорист и эсперантист, консул по делам слепых эсперантистов Уильям Меррик. В Британии Ерошенко пробыл полгода, из которых два месяца, до летних каникул, учился в Норвудском королевском колледже.

Нажмите, чтобы увеличить.

Василий Ерошенко со своим учителем английского Уильямом Филлимором. Британия, 1912 год Фото из журнала La Ondo de Esperanto (Москва), январь 1913 года.

Он был представлен его директору, незрячему сэру Фрэнсису Кэмпбеллу. Из Британии Ерошенко привез специальную портативную печатную машинку, которая позволяла печатать как по брайлю, так и обычным шрифтом. О машинке для Василия, которая могла бы

дать юноше профессию секретаря, особо хлопотала Анна Шарапова, главный организатор его поездки. Важно было и то, что в Британии уже тогда существовала практика, когда сами обученные незрячие могли преподавать другим слепым. Обучение в Норвудском колледже и давало право преподавать другим. В России же начала XX века незрячих преподавателей еще не было.

Через два года Ерошенко уехал в Японию получать новую специальность в Токийской школе слепых – учиться массажу. И эта его поездка, как и предыдущая, была тщательно подготовлена: у него были рекомендательные письма от Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых, от эсперантистов. Уже в Японии за Ерошенко хлопотало российское посольство, обратившись к директору Токийской школы слепых Матида Норибуми, который, в свою очередь, запрашивал в Министерстве культуры и образования Японии разрешение на прием российского подданного на обучение. Такое разрешение было получено.

После того, как в 1873 году в Японии была вновь официально разрешена проповедь христианства, новейшие школы слепых в последней трети XIX века создавали, главным образом, британские, американские и германские миссионеры по образцам школ, существующих в Европе и США. В 1890 г. незрячим учителем Токийской школы слепых Исикава Курадзи был изобретен японский брайль по образцу французского, в 1894 году в систему Брайля были впервые переведены ноты. Токийская школа слепых приобрела брайлевский печатный станок в школе слепых в Иллинойсе, США. В 1894 году евангелическая школа для слепых в Иокогаме заказала в Американском Библейском обществе печать по брайлю «Евангелия от Иоанна». Это была первая полноценная брайлевская публикация в Японии. В 1895–1896 годах были напечатаны остальные Евангелия и «Деяния апостолов».

Традиционная же система жизни незрячих массажистов и музыкантов при дворе японских князей-даймё была сломана. В период так называемой «Реставрации Мэйдзи» («Мэйдзи Исин», 1868-1889) японские правящие круги были захвачены «вестернизацией», ломкой традиционного уклада жизни и ускоренным введением в стране достижений западной цивилизации.

Это сопровождалось огромным интересом к «западной науке», и многие из выдающихся японцев были христианами.

В конце 1914 года в Японию приехала миссионер-бахаи, американка Агнесс Александер, разыскавшая в Токио Ерошенко по просьбе Анны Шараповой, с которой Агнесс встретилась в Швейцарии. К моменту окончания двухгодичного учебного курса в Токийской школе слепых весной 1916 года Ерошенко был охвачен сильнейшим влиянием нового учения — веры Бахаи. Именно благодаря Ерошенко Агнесс Александер смогла познакомиться с миром незрячих Японии и довольно успешно продвигала среди них свои идеи.
Нажмите, чтобы увеличить.
Василий Ерошенко перед отъездом в Таиланд. Япония, лето 1916 года. Фото из архива кондитерской «Накамурая», Токио.
Религиозная пропаганда в школах и университетах была запрещена, поэтому пропагандисты веры Бахаи называли ее «учением» о равенстве всех религий, о чем сами же и писали позднее. Именно Агнесс Александер оплачивала поездки Ерошенко в Сиам (сейчас Таиланд) и Бирму (сейчас Мьянма). Таиланд в 1916 году был разделен на три части — британскую, французскую и находящуюся под властью тайского короля. Бирма была всего лишь провинцией Британской Индии. Вновь выявленные документы международного съезда по делам слепых, прошедшего в Лондоне летом 1914 года, где британские друзья Ерошенко У. Меррик и У. Филлимор рассказывали и о нем, дают понять, что в Британской Индии Ерошенко искал работу, а план его поездок, вероятно, возник и был продуман еще в Москве. В Британской Индии, как и в Британии, европеец со знанием английского языка и основ специальной педагогики — обучения незрячих мог быть преподавателем в начальной миссионерской туземной школе для слепых. На конференции в Вестминстере было объявлено, что миссионерская школа для слепых Энн Эсквит в деревне Палаямкотта, штат Мадрас на юге Индии, ищет незрячего преподавателя. Это может объяснить, зачем Ерошенко в Моулмейне пытался изучать тамильский язык.

Приехав в Калькутту в ноябре 1917 года, Ерошенко писал Тории Токудзиро: «Я не чувствую себя в силах снова работать в школе для слепых, но я уже несколько раз побывал там. До сих пор я не встретил людей, которые были бы заинтересованы во мне, я имею дело с так называемым англо-индийским обществом, со всех точек зрения оно жалкое, и я ни в чем не заинтересован. Все они говорят по-английски, презирают туземцев и все считают себя христианами. Близко познакомиться с индийцами почти невозможно. Индийское правительство не позволяет европейцам общаться с местными жителями. Тем не менее, я все жду такой возможности. Русский консул сказал нам, что англичане в конце концов посадят всех русских в тюрьму, чем нас всех удивил. Видимо, ты знаешь, что происходит в России. Всякий народ, который пытается выстроить великую империю путем угнетения малых этнических групп, постигнет та же судьба, что и Россию». И далее: «Я часто посещал здешнюю школу слепых. Ее директор – г-н Шах (здесь речь идет об Арун Кумар Шахе, старшем сыне Лал Бихари Шаха – Ю.П.). Г-н Кётаро Накамура очень близко знаком с г-ном Шахом. Это потому, что г-н Шах жил вместе с г-ном Накамурой [в Соединенном Королевстве]»; письмо не датировано.

В то время в Индии было до 600 тысяч слепых, большинство из которых принадлежали к самым низшим кастам и нищенствовали. Однако были уже и школы, основанные не только европейскими и американскими миссионерами, но и самими незрячими. Такими основателями были: Моулмейне – Маун По Джи с 1901 г., в Калькутте – Лал Бихари Шах с 1887, официально с 1894 года, в Бомбее – др. Н.Д. Чаттрапати с 1902 г., а сама школа создавалась в 1890-1895 гг. в Ахмедабаде. Василий Ерошенко побывал во всех названных школах и был знаком с двумя их создателями. Трое из основателей были пасторами-христианами (Маун По Джи и Лал Бихари Шах – баптисты), др. Чаттрапати был индуистом. Все они потеряли зрение в зрелом или пожилом возрасте. Отдельно нужно назвать британского пастора Уильяма Джексона (1889-1931), ровесника Ерошенко, который прибыл в Индию в ноябре 1917 года и возглавил школу слепых в Кэммэндайне, предместье Рангуна. Эта школа была создана мужем

сестры Джексона – Уильямом У. Парсером в 1914 году. Уильям Джексон был слеп с самого раннего детства, как и Ерошенко, что не помешало англичанину получить два высших образования, юридическое и богословское.

Из исследователей, похоже, никто и никогда не уделял пристального внимания тому, что английский язык сопровождал В.Я. Ерошенко всю жизнь, начиная с поездки в Норвуд. У. Меррик в своем докладе «Эсперанто и слепые» подчеркивал, что Ерошенко приехал, не зная ни слова по-английски: “Many of us know how V. Eroshenko, a blind Russian musician, was enabled to journey to England, learn our language (of which he know not a word), and return”, а У. Филлимор рассказал: «He wanted to gain entrance into some institution to study English, but as I found that this was not practicable I found him a lodging near me and undertook the teaching myself», а дальше следовало изучение устной речи от носителей и погружение в новую языковую среду.

Вероятно, влияние английского на судьбу писателя было даже большим, чем молодого тогда еще языка эсперанто. Именно английский язык был основным средством общения европейцев и американцев в Японии, Британской Индии, даже в Китае (китайского языка Ерошенко не знал). Эсперанто, отмечавший в 1917 году 30 лет своего существования, был довольно популярным при жизни своего создателя Л.Л. Заменгофа, но эта популярность несравнима с ролью английского языка в мире, а жесткого противопоставления между языками, которое часто подчеркивают современные эсперантисты, тогда еще не было.

Еще до отъезда в Японию Василий Ерошенко брал платные уроки японского языка – на английском, три часа в неделю – у студента Симано Сабуро, и переписывался с американским миссионером, работавшим в школе слепых в Бирме, который даже прислал ему свое фото среди слепых. В Таиланде Ерошенко хотел содействовать открытию школы для слепых, но писал с сожалением, что это могут сделать лишь христианские миссионеры, которых правительство поддержало бы в любом

случае, прояви они такую инициативу. В то же время, отмечал Ерошенко, сами они не хотят заботиться о благополучии слепых. Ерошенко ничего не удалось сделать, а первая школа для слепых в Таиланде была открыта незрячей американкой Женевьевой Колфилд только в 1938-1939 гг.

Пробыв в Сиаме около полугода, в начале января 1917 г. Ерошенко приезжает в Бирму, в школу для слепых бирманских мальчиков, действовавшую при англиканской церкви Св. Августина в Моулмейне. Удалось найти публикации в специальных журналах, подтвердившие, что именно здесь была открыта вакансия преподавателя с хорошим знанием английского языка, симпатизирующего христианству. В Бирме эта школа была единственной. Ее основал ослепший баптист-бирманец, учитель Маун По Джи еще в 1901 году. Ко второй декаде XX века школой управлял совет, куда входили власти города Моулмейна, пасторы Американской баптистской миссии и Англиканской церкви в Бирме.

Василий Ерошенко работал здесь дважды – с января 1917 года до 12 ноября 1917, а затем с марта 1918 года по 8 сентября 1918 года. От предложенной ему должности заведующего школой Василий отказался. Официально заведующей была бирманка Ма Нао Ми, почетным секретарем школы – пастор Д. Этвул (D. Atwool). В середине ноября 1917 года Ерошенко приехал в Калькутту, где жил в семье основателя Калькуттской школы слепых, ослепшего учителя и баптистского пастора Лал Бихари Шаха. В этой семье была большая библиотека английских брайлевских книг, которой пользовался и В.Я. Ерошенко. Мотивирующую проповедь для незрячих учеников, побуждающую их стремиться к Солнцу, полагаясь на помощь Бога, Ерошенко мог услышать только здесь. Удивительно, что даже сквозь японский язык удалось восстановить историю столетней давности.

За последний год удивительных находок было несколько. Одну из них я и предлагаю к публикации. В индийском журнале «The Modern Review» за апрель 1919 г. найдена статья «The Eyes of the Blind» Чарльза-Фрира Эндрюса (C.-F. Andrews, 1871-1940) – близкого друга и редактора произведений Рабиндраната Тагора,

ближайшего друга Махатмы Ганди.

Нажмите, чтобы увеличить.
Начало статьи Чарльза Эндрюса «Глаза слепого», “The Modern Review” (Калькутта), апрель 1919 года

Чарльз Эндрюс был англиканским священником, который с 1904 года работал в Кембриджской миссии в Дели, преподавал в колледже Св. Стефана, возглавил его, а затем поддержал первое назначение руководителем колледжа Св. Стефана индийца С.К. Рудры. После 1906 года стал участвовать в Индийском национальном конгрессе. В 1912 году в Лондоне встретил Рабиндраната Тагора. В 1914 г., поселившись в Шантиникетане, Ч.-Ф. Эндрюс сложил с себя священство и стал сотрудником и редактором произведений Тагора, помогая ему создавать ашрам. Эндрюс вместе с Махатмой Ганди в 1914 году был в Южной Африке и сумел уговорить Ганди вернуться в Индию. В 1936 году Ч.-Ф. Эндрюс возвратился в англиканство; гонорары от его книги «Что я должен Христу» («What I Owe to Christ», 1932) были переданы Шантиникетану. Среди других его работ – «Возрождение в Индии: его миссионерский аспект» (The Renaissance in India: its Missionary Aspect, 1912), «Христос и труд» (Christ and Labour, 1923). Похоронен на том же христианском кладбище в Калькутте, что и преп. Лал Бихари Шах. Чарльз Эндрюс отмечен в литургическом календаре англиканской Епископальной церкви США 12 февраля.

Следовательно, Василий Ерошенко привлек внимание еще одной яркой личности из круга Рабиндраната Тагора и Махатмы Ганди, то есть из числа индийцев, так или иначе отстаивавших независимость своей страны.

Нажмите, чтобы увеличить.
Чарльз Фрир Эндрюс (1871-1940) с Махатмой Ганди (в центре) и Рабиндранатом Тагором (справа) в Шантиникетане, 1925 год. Фото из интернета.

Статья Ч. Эндрюса содержит его собственный текст-обрамление –

краткую историю «вложенной» статьи В.Я. Ерошенко и саму эту статью на английском языке. Этот английский оригинал текста в целом соответствует тексту речи В.Я. Ерошенко, произнесенной им на концерте в школе слепых в Моулмейне 2 ноября 1917 года, за год до поездки в Шантиникетан – «Что такое слепота». Хотя Ерошенко выступал на английском языке, но до сих пор текст его речи был известен только по публикации 1959 года, сделанной Такасуги Итиро – на японском языке «Momoku to iu koto».

Текст в английской первопубликации 1919 г. чуть сокращен – отсутствует похвала активистам образования слепых в Моулмейне и всем присутствующим, где Ерошенко называл г-н Асэйна, миссис Р. (миссис Роу), и г-на Харта, оказывавших содействие в работе школьному комитету и организовавшие концерт. Показательно, что и здесь, как и в «Орлиных Душах», отсутствует заключительная фраза, известная по японскому варианту текста: «И о том я буду неустанно молиться».

Ранее было известно о том, что Василий Ерошенко дискутировал с Рабиндранатом Тагором о духовности и материальности западной и индийской культур. Об этом упоминал в своем дневнике друг Ерошенко, японский писатель Акита Удзяку.

Связи Ерошенко с Индией, как видно, возникали еще в Британии, и особым образом продолжились в Японии: 11 мая 1916 года Ерошенко окончил двухгодичный курс обучения и должен был съехать из школы. Он съехал чуть раньше, а спустя две недели вновь переехал – уже в пансион при кондитерской «Накамурая», причем хозяйка просила его преподавать ей русский язык и оплачивала эти занятия.

Известно, что три месяца в 1915 году в «Накамурая» под видом родственника Рабиндраната Тагора жил и скрывался от выдачи британским колониальным властям деятель индийского освободительного движения Раш Бехари Бос (Бос из «Накамурая», 1886-1945). Бос был организатором ряда покушений на вице-короля Индии и пытался поднять восстание против британских властей. В 1918 году он женился на старшей дочери владельцев

«Накамурая», супругов Сома Айдзо и Сома Коккo – Тосико Сома и получил затем японское подданство, засвидетельствовав свое пребывание в Японии в течение семи лет. Супруги Сома разместили Ерошенко в той же комнате, где скрывался Бос, и приняли русскую «рубашку» как униформу для служащих ресторана. Позже в его меню появились и до сих пор остаются визитной карточкой борщ, пирожки и батон. Известно, что Акита Удзяку и Ерошенко в числе полутора тысяч слушателей посетили 11 июня 1916 года лекцию Тагора в Токийском императорском университете. Сохранилось фото семей Сома и Бос с Рабиндранатом Тагором, вновь посетившим Японию в 1924 г., через год после разрушительного Токийского землетрясения.

Однако документально обосновать упоминания о дискуссии Тагора с Ерошенко мне не удавалось многие годы. Вторая за последние полгода находка оригинального текста Ерошенко, на этот раз созданного и записанного им по-английски и затронутого минимальным редакторским вмешательством, уникальна. Ерошенко перестает быть «писателем без текстов», а особенности его творческой манеры и речи становятся доступны исследователям.

Из статьи Чарльза Эндрюса становится ясно, что ашрам Тагора в Шантинекетане («Обитель мира») посетила группа русских паломников, в числе которых был и Ерошенко, чтобы увидеть Тагора и побеседовать с ним. Ашрам включал экспериментальную школу, молитвенную комнату, сады, рощи и библиотеку. Тагор первым из неевропейцев был удостоен Нобелевской премии по литературе: «The Nobel Prize in Literature 1913 was awarded to Rabindranath Tagore «because of his profoundly sensitive, fresh and beautiful verse, by which, with consummate skill, he has made his poetic thought, expressed in his own English words, a part of the literature of the West»».

Выводы из статьи Чарльза Эндрюса «Глаза слепого» с упоминанием Василия Ерошенко

Денежная премия Нобелевского комитета была пожертвована школе Тагора в Шантиникетане, которая затем стала первым бесплатным

университетом.

Удивительно, но спутников Василия Ерошенко по поездке в Шантиникетан, которых не назвал Эндрюс, удалось довольно легко установить. Это были «меньшевик» Лев Лапицкий, выдававший себя то за секретаря Матвея Скобелева – министра труда Временного правительства, то даже за личного секретаря самого Александра Керенского, то за поэта Сашу Черного. Второй была супруга Лапицкого, пока безымянная, а третьим – «большевик» Израиль Сосновик, бежавшие из Луганска в апреле 1918 года с приходом немцев в Харьков: «Трое из них совсем недавно успешно совершили долгий путь из Петрограда и Москвы через Персию и Месопотамию в Персидский залив». Оттуда они доехали морем, вероятно, через Басру, – в Индию. Существуют упоминания о том, что в Индии они бедствовали, а узнав о существовании в Йоханнесбурге Русского общества, отправились в Южную Африку просить у него помощи.

По данным Дм. Прусса, Лев Лапицкий родился в 1889-1890 гг. в Бабиничах близ Орши, и жил в Киеве во время первой русской революции; вероятно, он был студентом-медиком. Таким образом, Лев Лапицкий и Василий Ерошенко были ровесниками.

Трое беженцев из революционной России встретили Ерошенко где-то по пути из Бирмы и были вместе с ним и в Бомбее. Вот что сообщает «Записка Читинскому кружку социалистов-эсперантистов о тов. Ерошенко», документ 1921 года, записанный, вероятно, со слов самого Василия Яковлевича: «Лишь благодаря ходатайству т. Лапицкого (Саша Черный), бывшего сотрудника в Министерстве правительства Керенского, и т. Сосновика, бывшего правительственного комиссара, перед начальником Бомбейской полиции Шифф (тоже русский) он [Ерошенко. – Ю.П.] был отдан лишь под надзор полиции и жил в доме для иностранцев».

Известно, что настоящий Саша Черный был возмущен и писал 2 марта 1924 года в редакцию берлинской газеты «Руль»: «Позвольте путем оглашения в печати ликвидировать литературное самозванство почтившего меня своим вниманием авантюриста. По

полученным мною сведениям, некто г. Лапицкий, еще в 1920 г. выступавший в Загребе под моим литературным именем, недавно вновь появился в Праге и был разоблачен Союзом [Союзом русских писателей и журналистов в Чехословакии. – Ю.П.] в местной чешской и русской печати, затем арестован и выслан за пределы Чехословакии. За последние годы я получал от неизвестных мне лиц ряд совершенно нелепых писем, связанных с развязными похождениями г. Лапицкого в Европе, Африке и Индии, где он всюду выступал под именем «Саши Черного». Полагаю, что пражская история положит конец этой безобразно наглой хлестаковщине, так и наивности тех лиц, которые могли принять его за поэта, создавшего себе скромное имя отнюдь не похождениями в духе Пинкертона. А. Черный (он же Саша Черный) А-р Мих. Гликберг».

Разыскать же упомянутого Шиффа [Шеф, начальник? – Ю.П.] среди сотрудников Бомбейской полиции нам с Дмитрием Пруссом (США) не удалось: в правительственных справочниках 1918-1919 гг. чиновник под такой фамилией не показан.

К сожалению, статья Ч.-Ф. Эндрюса не датирована, но можно понять, что речь идет о втором приезде В.Я. Ерошенко в Калькутту, с середины сентября 1918 г. А посещение Шантиникетана произошло, таким образом, осенью или в начале зимы 1918 года. Похоже, что супруги Лапицкие и Израиль Сосновик 13 февраля 1919 года уже были в городе Йоханнесбурге в Южной Африке, хотя обоснование известной даты их приезда туда все еще требуется. 26 марта 1919 года «эмиссары из России» прочли первую лекцию о русской революции для шеститысячной аудитории в крупнейшем зале Йоханнесбурга. Это так встревожило власти, что «агитаторы» были вскоре высланы за счет правительства.

Василий Ерошенко останется в Индии до июля 1919 года, то есть еще около девяти месяцев. Что он делал и как жил – практически неизвестно.

Сохранилось лишь одно его письмо другу Тории Токудзиро,

датированное 27 ноября 1918 года, фрагменты из которого приведу в своем переводе с японского:

«Тории Токудзиро из калькуттской YMCA [Young Men Christian Association, где была гостиница. – Ю.П.]. Мой дорогой друг, любимый мальчик, незабываемый Токудзиро-сан.

Пока еще я не умер. Вот теперь наконец настало время, когда мы не умрем с такой легкостью. Наоборот, мне постоянно посылается интересная жизнь, в которой довольно забав, огорчений и роковых тайн, многое в которой приводит меня в затруднение, потому что я этого не понимаю. Я направился в Бирму вторично, было ужасно находиться под полицейским надзором, меня постоянно проверяли, как преступника, но в конце концов я не был заключен в тюрьму.

Как только в России разразилась революция, пошли слухи о том, что все русские в Индии будут арестованы. Русские друзья [Востоковеды Александр и Людмила Мерварты. – Ю.П.] говорили мне: давай вместе вернемся в Россию на русском пароходе, веселее будет, но я отказался. И вот, они отправились, но были по пути арестованы. Я сбежал в Бирму, как самый ловкий из дураков, и снова стал учителем в школе для слепых. (Это было в марте).

Перед этим, когда я жил в Бирме, мне предлагали стать заведующим школой слепых, но я отказался от должности. Когда я пришел в эту же школу второй раз в этом марте, ничего не изменилось, учителя и учащиеся любили меня так же сильно, потому что учителя и учащиеся не переменились, но отношение пасторов, которые управляли школой, стало совсем другим. Они выделили мне должность учителя, но я не смог работать, получая указания от супругов-бирманцев, которые ничего не понимают в образовании слепых. Ясно, что там было много непонимания, клеветы и подозрений. Поэтому я пренебрег всеми обстоятельствами, храбро бросил свою работу, и, покинув школу 8 сентября, приехал в Калькутту за разрешением вернуться в Страну восходящего солнца. По пути я чудом получил немного

денег.

Так как пароход должен был отправиться из Индии в начале октября, я продолжал хлопотать день за днем. Вот уже и октябрь — но разрешения нет. Пароход должен был отправиться 15 октября, и я обращался в различные правительственные учреждения, посылая телеграммы и срочно добиваясь разрешения, но все это требовало много труда. Пароход отчалил 15-го.

Только через пять дней, 20 октября, я, наконец, получил разрешение. Вот что сказал мне чиновник. «С вами было много сложных проблем, и поэтому вы не могли легко получить разрешение».

Следующий пароход должен был отойти 20 ноября. Но поскольку правительственным агентством было приказано отменить этот рейс, морское сообщение пассажирских судов с Японией практически прекратилось. Никто не представляет, когда придет следующее пассажирское судно.

Когда стало ясно, что война заканчивается, мои планы были полностью нарушены, и я не понимал, куда мне идти. В Японию, сделать для тебя большую работу (исследование тайных учений различных религий, я купил много книг, но мы должны перевести их в Брайль)? Или направиться во Францию, в Швейцарию, — особенно в Париж, повидать мирную конференцию и очутиться в центре мира? Мне хотелось бы выбрать второй путь, но у меня нет денег.

Однако я уже высказал пожелание отправиться во Францию, а не в Японию. Управление пока не дало ответа, но я думаю, что, скорее всего, мне откажут в просьбе. В таком случае я вернусь в Японию, расскажу тебе о своих планах и отправлюсь в Россию, где стану президентом республики большевиков.

Ни одно письмо до меня не дошло. Они перехватывают всё. Когда я посылаю письмо, я отказываюсь от переписки, потому что этого человека могут сразу же поставить под подозрение. Недавно я получил от тебя письмо.

Пожалуйста, не отправляй писем в школу слепых в Индии. Пожалуйста, передавай их через Генеральное консульство России в Калькутте. Уже два года, как я не получаю ничего, – ни денег, ни писем, от мисс Александер.

Письмо, в котором ты извещал, что стал счастливым отцом милого мальчика, было получено и я вместе с тобой радовался. Я ничего не знаю о письмах, в которых говорилось бы о брайлевских книгах или приборах /…/

Как давно я не чувствую себя, как раньше, хотя я люблю тебя, как и прежде, но поскольку струна, что связывала нас всех в цепочку, совсем порвалась, я думаю, что она таинственным образом перестала звучать. Мне сейчас пришло на ум. Я не знаю, сорвался ли я или сорвался ты, но в действительности наш уровень изменился и струны перестали созвучать. Так же обстоит дело со мной и Алекс. Передавай привет всем моим друзьям. Пожалуйста, передай всем мои поздравления с новым годом. Всегда твой Эро».

В июле-августе 1921 года, сразу же после высылки Ерошенко из Японии по подозрению в том, что он большевик, в журнале эсперантистов “Verda Utopio” (Осака) была опубликована статья «S-ro Vasilij Ero?enko», подписанная “Kofo” (это сокращение на эсперанто первых букв фамилии и имени, вероятно, основатель журнала Кунитаро Фукуда). Заметка содержит ряд неточностей, однако и ее стоит использовать до подтверждения или опровержения другими документами. В статье говорится: «Во время пребывания в Индии его преследовали и даже заключили в тюрьму за то, что он был русским, чья родина рассматривалась тамошним правительством как опасное явление, и наконец он был выслан с английской территории под тем предлогом, что он большевик. Летом 1919 года по пути во Владивосток он бежал из Шанхая в Японию».

Так как сведений о жизни В.Я. Ерошенко в Индии в конце 1918 – до июля 1919 года почти нет, живое впечатление Чарльза Эндрюса приобретает особое значение: «Он был совсем молод, с детским

лицом и волнистыми, гладкими, светлыми волосами. С самого раннего детства он был совершенно слеп, но казался жизнерадостным и веселым, самым ярким из всей компании. Когда мы гуляли, он продемонстрировал прекрасный инстинкт свободного передвижения и очень редко спотыкался. Его больше всего интересовало все, что я описывал, а вечером он внимательнее всех слушал поэта, когда тот разговаривал со всеми гостями, и он задавал самые разумные вопросы».

При отъезде из Шантиникетана, поздней ночью на станции Болпур Ерошенко отдал Эндрюсу текст своей статьи, разрешив поступить с ним по собственному усмотрению. Эндрюс счел эту статью представляющей «огромный человеческий интерес» и немедленно, на следующий же день отослал ее в журнал: текст самого Эндрюса начинается словом «вчера».

История опубликования в Калькутте этой статьи В.Я. Ерошенко, как и ряд фактов из истории создания самими незрячими системы Брайля для различных языков и ряда учебных заведений для слепых свидетельствует, что инициаторами становления и развития систем обучения, профессиональной и культурной деятельности, примерами овладения различными видами деятельности и профессиями часто становятся сами незрячие, которые могут активно и плодотворно взаимодействовать с окружающими людьми и миром.

Необходимо подчеркнуть, что Василий Ерошенко не сразу овладел навыком такого взаимодействия. До поездки в Сиам летом 1916 года он почти не общался со зрячими людьми, о чем сам писал Агнесс Александер. Вне закрытого мира школы слепых ему было очень и очень сложно. И в 1917, и в 1918 годах он все еще предлагал создать замкнутое поселение-колонию, где незрячие люди жили бы отдельно и полностью обеспечивали бы себя сами. Однако практика показала, что это вряд ли возможно.

Однако именно в Индии, где Ерошенко остался один и без привычной организационной и финансовой поддержки друзей и благотворителей, он научился общаться и взаимодействовать с

самыми разными людьми. После возвращения в Японию летом 1919 года Ерошенко постепенно становится публичным лектором, агитатором-эсперантистом и анархо-социалистом, что и привело к распоряжению правительства о его высылке в начале июня 1921 года. В дальнейшем Ерошенко постоянно работал для незрячих и с незрячими. Однако он был широко известен не только в этом узком кругу, но и среди крупнейших деятелей культуры Японии, Китая, СССР, стран Западной Европы.

Как можно заключить, Ерошенко учил не замыкаться в себе и своих учеников в Республиканском детдоме слепых в Туркмении в 1935-1945 гг., и послевоенных старшеклассников в Московском институте слепых, где преподавал английский язык в 1946-1947 гг., и учеников курсов ликвидации безграмотности взрослых слепых в вечерней школе Узбекского общества слепых в Ташкенте.

То качество его личности, которое Виктор Першин и Виктор Лазарев назвали «импульсом Ерошенко», было передано Василием Яковлевичем его ученикам – Виктору Першину, Виктору Глебову и нескольким другим ярким деятелям образования, науки и культуры незрячих. Они смогли воспринять этот необычный и сложный опыт открытости и самостоятельности. А мотивирующий пример Василия Ерошенко и сейчас еще вдохновляет как незрячих, так и зрячих людей, которые могут понять и воспроизвести его опыт в собственной жизни.

Текст перевела с английского источника [Andrews, C.F. The Eyes of Blind // The Modern Review (Calcutta), 1919, April, P. 339-342] Габриела Могылдан (Gabriela Mogîldan), Кишинев, Молдова. Некоторые особенности орфографии 1919 года сохранены.

Чарльз Фрир Эндрюс

ГЛАЗА СЛЕПЫХ

Вчера у нас в ашраме Шантиникетан случился дружеский визит четверых молодых русских паломников, приехавших, чтобы увидеть поэта и школу поэта. Трое из них совсем недавно успешно завершили долгий путь из Петрограда и Москвы, через Персию и

Месопотамию, в Персидский залив. Они плохо перенесли большие трудности на своём пути и описали положение России как очень плохое, но их рассказы были не столь полны ужасов, как информация, изложенная в документах. Один из этих троих молодых людей был секретарем г-на Керенского [Лев Лапицкий. – Ю.П.], который некоторое время был лидером русской революции. Его жена сопровождала его, – бледная, тихая дама, которая, казалось, прошла через огромные испытания. Но тот, кто заинтересовал нас сильнее всего, был слепым русским, которого трое путешественников встретили в Калькутте, на его пути из Бирмы. Он был совсем молод, с детским лицом и волнистыми, гладкими, светлыми волосами.

С самого раннего детства он был совершенно слеп, но казался жизнерадостным и веселым, самым ярким из всей компании. Когда мы гуляли, он выказал прекрасный инстинкт свободного передвижения и редко спотыкался. Его больше всего интересовало всё, что я описывал, а вечером он внимательнее всех слушал поэта, когда тот разговаривал со всеми гостями, и он задавал самые разумные вопросы. Покидая Болпур, поздно ночью, на станции слепой русский вложил в мою руку бумаги, которые он написал, и просил меня распорядиться ими по моему усмотрению. Поскольку мне показалось, что это документ, представляющий большой человеческий интерес, я подумал, что должен предложить его читателям «Modern Review». В статье было написано следующее:

«Что означает слепота для незрячего? Каким образом она влияет на его психику? Эти вопросы всегда стояли перед обществом, и многие талантливые писатели пытались ответить на них. Я знал одну хорошую работницу для незрячих в России. Она посвятила всю свою жизнь этой работе и с горьким чувством написала в статье «Психология слепых», что они более эгоистичны и жестоки, чем зрячие [Самой известной женщиной-тифлопедагогом в России была первопечатница по Брайлю Анна Адлер, но такой ее статьи обнаружить не удалось. – Ю.П.].

«Некоторые писатели говорят о безнравственности слепых как об

одной из их характерных черт. В западной Европе сетуют на слабость и беспомощность слепых. Чтобы искоренить это зло, во многих западных школах преподают плавание, катание на велосипеде, катание на коньках, греблю и другие виды спорта. Всё это, конечно же, должно сделать слепых физически сильными, но очень часто работники идут намного дальше. На территориях многих школ всё устроено таким образом, что слепые знают, где находится поворот, где можно пройти, где находится вход и так далее. Во время поездок на поезде или трамвае, слепого человека сопровождает зрячий. Кажется, что в новом и известном доме для слепых солдат в Лондоне ковровые дорожки проложены даже внутри. Таким образом, слепые могут свободно ходить из одной комнаты в другую. Я не удивлюсь, что после проживания в столь хорошо обустроенном жилище, они не могут ходить одни не только по улицам Лондона, но даже в их собственном заведении [Речь идет о реабилитации военнослепших, то есть людей, внезапно и резко взрослыми потерявших зрение. Но и для них направляющие дорожки часто оказывают плохую услугу, оборачиваясь полной беспомощностью в незнакомом окружении. — Ю.П.].

«Но если слепые из Западной Европы беспомощны, мы не можем сказать то же самое о слепых из восточных стран. В Японии слепые, с детства, должны зарабатывать на жизнь массажем. Они вынуждены сами искать себе клиентов. Большинство слепых обязаны посещать обычные школы, наравне со зрячими учениками, и они ходят по улицам Токио так же свободно, как и на своей территории.

«Если русские слепые эгоистичны и безнравственны, мы не можем сказать то же самое о слепых англичанах. Более того, если слепые в Европе выглядят скучными, было бы совершенно неправильно говорить то же самое о слепых на востоке. Есть писатели, которые считают, что слепота, ставя человека в особое положение по отношению к внешнему миру, укрепляет его психику, развивает чувства более интенсивно и позволяет ему создавать для себя новые и оригинальные миры, полные красоты.

Я помню историю незрячего из Швейцарии. С детства он слышал о красотах Альп, их фантастических долинах, полных прекрасных цветов и славных озер, окруженных величественными скалами. Он наслаждался всеми этими вещами так же, как и зрячие. Наконец один из его друзей, врач, восстановил ему зрение с помощью операции. Первое, что хотел увидеть этот человек, это горы и их прекрасные пейзажи; но, увидев горы, он расстроился и, наконец, бросившись на землю, вскричал: «Верните мне мои горы! Верните мне мои долины!» Реальность была ничтожной по сравнению с тем, что он себе представлял.

«Что же тогда, на самом деле, значит слепота для самого незрячего? Значит ли она, что его погружают в темное место, где он ничего не знает о вещах вокруг него или о том, куда идти? Или она означает, что он помещён в страну грез, без всяких ограничений для его воображения? Правда ли, что слепота, изолируя человека от внешнего мира, делает из него идиота, как это обычно принято считать? Или, наоборот, благодаря тому, что слепота отделяет незрячего человека от внешнего мира, она укрепляет его внутренний мир? И в связи с этим его воображение достигает невероятной силы и гибкости?

«Я не считаю, что лично у меня достаточно опыта, чтобы ответить на эти вопросы. Но что бы ни означала слепота для незрячего, как бы она не влияло на его возможности, мы должны понимать, что образование или всяческие наставления более важны для слепых, чем для зрячих. Этот факт не может быть опровергнут никем; это очевидно. Но как много людей, которые не понимают этого! Сколько чиновников не признают необходимость образования для слепых! Разве не жаль и не стыдно, что в нашем просвещенном двадцатом веке происходят такие вещи?

«Теперь я расскажу немного о себе. Я уехал из России более трех лет назад, чтобы изучить некоторые вещи на Востоке, одной из которых является жизнь слепых в Азии. Я пробыл в Японии два года, а затем отправился в Сиам [Сейчас Таиланд. — Ю.П.] с намерением поработать там со слепыми. Я пробыл в Сиаме шесть

месяцев, но не смог ничего сделать для слепых в этой стране; возможно, главной причиной послужило то, что для этой работы нужен более богатый, энергичный и способный человек, чем я. Однако Правительство Сиама, а также христианские миссионеры пообещали тщательно обдумать этот вопрос, когда у них будет больше времени.

«Из Сиама я поехал в Бирму [Сейчас Мьянма. — Ю.П.]. Первое, что поразило меня в Моулмейнской школе для слепых [Moulmein, сейчас Моламьяйн. Ерошенко называл город фонетически — Мульман. — Ю.П.], это бедность учеников. В Школе обучались тридцать три мальчика, из которых около десяти являлись сиротами, и около десяти остались без одного родителя: остальные принадлежат к самому бедному классу; поэтому ни один из мальчиков не получает никакой помощи из дома, и все полностью зависят от Школы в части питания и одежды. Если бы они даже были зрячими детьми, они были бы вправе попросить общество помочь им. Тем не менее, вся работа в школе для слепых ведется несколькими благородными людьми, которые вынуждены всё делать в одиночку.

Общество совершенно безразлично к своей работе. Общество, похоже, забывает слепых. Даже женщины, которые проявляют такой большой интерес к слепым в Европе, забывают о существовании слепых здесь, в Бирме. Может, общество и не должно интересоваться, сколько детей без отцов или без матерей обучаются в Школе, или скольким мальчикам никто в мире не помогает. Но такое отношение не красит Европейское общество в глазах жителей Бирмы, и очень обидно, что коренные жители Бирмы вынуждены оставлять своих слепых на попечении нескольких человек, если же последователи Буддизма не доверяют школе, нужно позволить им самим заниматься этим вопросом. По всей стране люди содержат тысячи школ Понджи [Буддийских монахов. — Ю.П., Г.М.].

Разве нельзя открыть несколько школ для слепых вблизи этих школ? Я имею в виду, что школы могут быть учреждены там, где слепые будут находиться под контролем зрячих учителей, которые

будут обучать их Буддийским Писаниям, методам лечения различных заболеваний и другим полезным занятиям. Жители Бирмы должны снабжать их едой, одеждой и другими предметами первой необходимости, так же, как и зрячих Понджи. Если эта идея будет реализована, нет сомнений в том, что слепые Понджи будут столь же полезны для Общества, как и зрячие. На Западе существует большое количество слепых Христианских Проповедников; и я не вижу причин, по которым Буддийский народ не должен иметь своих слепых Проповедников. Первое, что нужно сделать, – это принять систему Брайля, чтобы слепые могли читать и писать сами.

«Еще одна вещь, которую я хотел бы предложить, заключается в том, чтобы создать Поселение для слепых [«Colony for the blind should be instituted». – Ю.П.]. Это можно легко сделать в Бирме. Моя идея состоит в том, что участок земли должен быть выделен специально для слепых, и они должны научиться обрабатывать рисовые поля, овощные сады, кокосовые пальмы, каучуковые деревья, сахарный тростник и разнообразные плоды. Они также могут держать скот и птицу. Они могут научиться грести, ловить рыбу, делать или ремонтировать лодки и сети. Они могут научиться консервировать фрукты, овощи, рыбу. Слепые девочки должны учиться ткать, прясть, шить и вязать, а также готовить, стирать одежду, выращивать домашних животных, а также учиться другим домашним обязанностям. Нет сомнений в том, что такое Поселение, находящаяся под контролем зрячих учителей, будет процветать, если им будут грамотно управлять. Через несколько лет оно добьётся доверия со стороны Правительства и сочувствия и любви всех людей. Такое поселение станет ярким примером и для Запада. Каждый год, в западных странах на слепых расходуются миллионы фунтов, и в результате слепые беспомощны; они постоянно просят помощи. В этом виноваты не сами слепые, а слепые лидеры слепых, которые до сих пор не осознали их роковой ошибки [«This helplessness is due not to the blind themselves, but to the blind leaders of the blind who hither to have not realised (sic!) their fatal mistake». – Ю.П.]. Но я не буду говорить о них здесь. В

поселении, которое я предложил, слепым также будут преподавать науку и искусство, их телесной и духовной гигиене будет уделено должное внимание, а слепые станут полезными для общества гражданами. Кто знает, может они сыграют большую роль в пробуждении людей Джунглей, тем, что помогут им избавиться от их старых предрассудков и огромных суеверий? Кто посмеет сказать, что слепой человек не может стать светом в конце тоннеля, путеводной звездой для жителей Джунглей, ведущей их из тьмы их невежества к истинным огням цивилизации?

«Сколько может быть достигнуто, и как мало ещё сделано! И всё это потому, что общество совершенно равнодушно относится к этому вопросу. Но чем меньше внимания Общество уделяет слепым, тем больше восхищение и благодарность тем, кто, несмотря на то, что перегружен другой работой, стремится содействовать их образованию. Надеюсь, что в будущем слепым будет уделено больше внимания, и что вскоре, не только слепые из Бирмы, но и слепые из соседних Стран, таких как Малайское государство, Малайский архипелаг, Сиам и Аннам [«Malay States, Malay Archipelego (sic!), Siam and Annam», то есть Малайский полуостров, Молуккские острова, Таиланд и Вьетнам. – Ю.П.], также смогут воспользоваться привилегией образования и станут полезными для своих соотечественников. Я надеюсь, что слепые больше не будут считаться людьми, которые наказаны за свои грехи в прошлой жизни или за грехи своих родителей.

Я надеюсь, что к слепым будут относиться как к людям, на которых, как сказал Христос о слепом, «будут явлены дела Господни» [«as Christ said of a blindman, the ‘works of God may be made manifest’»; От Иоанна, 9:3. – Ю.П.].

Этой цитатой из Евангелия от Иоанна документ заканчивается. Подпись:

«В. ЕРОШЕНКО, русский слепой».

Суждения молодого русского заставили меня о многом задуматься, когда я их читал. Настало время всему индийскому народу

приложить усилия для того, чтобы во имя всеобщей гуманности и сочувствия всех сект и вероучений, – которые являются самыми надежными направляющими, заняться проблемой обретения глаз незрячими. Каждая провинция, по средствам своего собственного образовательного отдела и добровольно прилагая усилия, пользуясь поддержкой властей, должна попытаться решить все проблемы, с которыми сталкивается незрячий ребёнок. Слова г-на Ерошенко следует хорошо запомнить: «мы должны понимать, что образование более важно для слепых, чем для зрячих».

Если говорить об осязании в целом, можно утверждать, что у жителей Индии и Дальнего Востока оно гораздо более развито, чем у европейцев. Таким образом, они могут обойтись без многих вспомогательных средств и реквизитов, которые были разработаны в европейских учреждениях, чтобы улучшить жизнь слепых, но которые, по утверждениям господина Ерошенко, в итоге привели к тому, что слепые сейчас более слепы, чем когда-либо. Если мы начнём учиться на прошлых ошибках, их вполне можно будет избежать в будущем.

Также нужно будет избавиться от этой позорной эксплуатации слепых людей, которая процветает во многих городах, где зрячие используют слепых как инструмент для того, чтобы вызывать жалость у благотворителей и наживаться на них. Это часто делают родители, у которых есть слепые дети, и ужасно, что иногда такие дети не проходят необходимые курсы лечения из-за алчности родителей.

Случаи отдельных слепых нищих хорошо известны полиции, и если назначат сочувствующего инспектора, который станет работать совместно с добровольным гражданским Комитетом, возможно, ещё в раннем детстве можно будет спасти многих слепых мальчиков и девочек от жизни убогих нищих.

Однако я не хочу в этой краткой статье делать больше, чем просто предать гласности эту тему для тщательного рассмотрения читателями журнала «Modern Review» в свете заявлений моего Российского слепого друга, г-на В. Ерошенко.

Ч. Ф. Эндрюс

Шантиникетан

■ Основные источники и литература:

Aggrey, J.K.E. The Eagle That Would Not Fly. London, Magi Publ., 1988. – 32 p.
Alexander, A.B. History of the Baha'i faith in Japan, 1914-1938. Osaka, Baha'i Publ. Trust Japan, 1977. – 110 p.
Andrews, C.F. The Eyes of Blind. In: The Modern Review (Calcutta), 1919, April, pp. 339-342.
Bao?juan, Ge. Lusin kaj V. Ero?enko. In: El Popola ?inio, 1961, no 6, pp. 264-266.
Carter, A. Bewitched by Burma. Norfolk, Troubador Publishing Ltd, 2012. – 256 p.
Eroshenko, V. Moumoku to iu koto. In: Eroshenko zenshu. Ed. Takasugi Ichiro, Tokyo, Misuzu Shobo Publ., 1959, vol. 2, pp. 299-305.
Eroshenko, V. Shokan. Eroshenko zenshu. Tokyo, Misuzu Shobo Publ., 1959, vol. 2, pp. 328-407.
Eroshenko, V. Stranga kato. Toyonaka-si, Japana Esperanta Librokooperativo Publ., 1983. – 82 p.
G.S. Bible ornithology. The Eagle. In: The General Baptist magazine, 1854, pp. 264-266.
Historio de la Esperanto-movado inter la blinduloj 1888-2015. Ligo Internacia de Blindaj Esperantistoj. Presejo, Keuruskopio Oy, 2016. – 334 p.
Kofo. S-ro Vasilij Ero?enko // Verda Utopio (Osaka). – 1921. – vol. II. – №7/8 (jul./auxg.). – p. 100-101.
McCurdy, S. Blind Boys' Industrial Work. In: Baptist Missionary Magazine, 1906, vol. 86, p. 97-98.
McCurdy, S. School for the Blind, Moulmein. In: Baptist Missionary Magazine, 1905, vol. 85. – 389 p.
McLeish, A. Christian progress in Burma, 1927, American Baptist missions in Burma. Rangoon, American Baptist Mission Press, 1928. – 55 p.
Mochizuki, Ch. Working for equality: activism and advocacy by

blind intellectuals in Japan, 1912-1995. Kansas, University of Kansas, 2013. – 192 p.
Moulmein school for the blind. In: The Beacon, 1918, vol. 2, no. 24, pp. 2-4.
Quarterly paper of the Rangoon Diocesan Association Church of England, affiliated to SPG, 1900–1931.
Ranney, miss & Phinney, miss. Burman Bible School notes. In: Helping Hand. Woman's Baptist Missionary Society, 1905-1907, vol. 34-36, pp. 23-30.
Report of the International Conference on the Blind and Exhibition of the Arts and Industries of the Blind Held at The Church House, Westminster June 18th to 24th 1914. – 577 p.
?arapova, A. Esperanto inter blinduloj. Saratov, Eldono de Esperanta biblioteko de Georg Davidov, 1915, 11 p.
Shah, A.K. Six Hundred Thousand. Calcutta, Calcutta Blind School, 1942, 57 p.
The Aberdeen Bestiary Project: http://www.abdn.ac.uk/bestiary/
The Committee of the Moulmein School for Blind Burmese speaking boys. In: The Beacon, 1919, vol. 3, no. 26, pp. 3-7.
Ujaku, Akita (ed.) Yoakemae no uta: Eroshienko sosakushu. Tokyo, Sobunkaku Publ., 1921. – 316 p.
White, T.H. The Book of Beasts: Being a Translation from a Latin Bestiary of the Twelfth Century. London, Cape Press, 1954 – 296 p.
Астафьев, П. Записка Читинскому кружку социалистов-эсперантистов о тов. Ерошенко, 26.07.1921: http://www.eroshenko-epoko.narod.ru/Materials/Dokuments/Zapiska.htm.
Ерошенко, В. Орлиные Души. Пер. с японского Юлии Патлань. – Харьков, Право выбора, 2016. – 39 с.
Ерошенко, В. Сердце орла. Белгород, Белгородское книжное издательство, 1962. – 212 с.
Иванов Анатолий. Псевдоним и самозванцы // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах, Москва, 2005, № 6-7. – С. 123-134.
Малофеев, Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире.

Европа. Москва, Просвещение, 2009 – 319 с.
Малофеев, Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия: в 2 чч. Москва, Просвещение, 2010, Ч.1. – 319 с.
Патлань Ю. Василий Ерошенко. «Орлиные Души». Окно в Японию, E-mail бюлетень Общества “Россия-Япония”, 2012, no. 3, 15.01.2012: http://ru-jp.org/patlan04.htm
Першин В.Г. Белая магия шеститочия, Москва, ООО «ИТПК Логос ВОС». – 379 с.
Ярошенко, В. Слепые запада и востока. Жизнь слепых (Москва), 1927, no. 11 (39). – С. 26-35 (РТШ).

_____

© Патлань Юлия Валериевна. Edebi makalalar